

Глава 1579. Сон, как жизнь человека.

Рассветное солнце мягко озарило землю. В чистом небе парили перья облаков, простирающиеся на бескрайнюю ширь, в первые секунды рассвета, когда первый луч солнца коснулся их, облака мягко засияли оранжево-красным. Издали все это напоминало прекрасный сон.

С постоянного двора у казенного тракта раздавался прерывистый лай собак, в небо поднимался дым очага, струйками устремляясь в небо, делая эту картину еще прекраснее, словно придавая ей едва заметный налет мирской суеты, при этом не выглядел чем-то необычным, словно все было так, как и должно.

Хозяйские собаки как раз резвились на улице, бегая туда-сюда по казенному тракту, бешено виляя хвостами. Это еще более усиливало впечатление кипящей жизни по утру.

Однако в скором времени издали послышался грохочущий стук лошадиных копыт, в конце тракта поднялась пыль, обернувшаяся целым облаком, а в том облаке показалось несколько всадников. Верхом на лошадях сидели несколько здоровяков в одеждах из дорогих тканей, лицо каждого выглядело суровым, они со свистом летели вперед на своих скакунах.

Когда они приблизились, местные собаки с визгом разбежались в стороны, чтобы всадники вместе с ветром проехали мимо, как можно дальше.

Возможно, стук копыт был слишком сильным, и потому когда лошади проскакали мимо ворот постоянного двора, земля вокруг задрожала, а само здание едва заметно покачнулось.

Постоялый двор выглядел простенько и без изысков, словно стоял здесь уже многие и многие годы. Содрогнувшись вместе с землей, здание издало скрип, как будто сейчас развалится, и вместе с этим скрипом изнутри послышались удивленные возгласы со второго этажа, где располагались комнаты гостей.

«Пустяки, это пустяки, мой постоялый двор стоит здесь уже более сотни лет, и каждый раз, когда мимо скачут кони, происходит то же самое, он не развалится». Также внутри послышался старческий голос, это говорил старик в простой холщевой одежде, сидящий в углу главного зала на первом этаже. В руках старик держал трубку для курения опиума и спокойно говорил, выпуская клубы дыма.

Напротив него вчерашний слуга поджал губы, повесил на плечо полотенце, взял в руки вскипяченный чайник и начал подниматься по ступеням, чтобы разнести горячую воду в каждую комнату каждому гостю.

В это время в самой последней комнате справа на втором этаже в кровати лежал молодой паренек, он спал в одежде, в неудобной позе, а вся комната была заполнена запахом вина.

Когда стук копыт просвистел мимо и комната содрогнулась, юноша медленно разлепил веки, приподнялся на кровати, приложил правую руку ко лбу и растерянно огляделся.

На вид юноше было менее двадцати лет, он был худым и высоким, с обыкновенным лицом и налетом интеллигентности. Он произнес: «Ох... пристрастие к вину ни к чему хорошему не приведет, это было большой ошибкой... Как же я мог выпить так много...»

Лицо его исказилось в горькой усмешке, голова наполнилась болью, оперевшись о спинку кровати, он поднялся и, покачиваясь от головокружения, подошел к столу. Лишь когда он выпил стакан холодного чая, ему стало немного лучше.

«Видимо, мне стоит запомнить на всю жизнь, что напиваться нельзя. Вчера я едва не потерял сознание, и если бы попался в руки разбойников, лишился бы ляна серебра. Но это ничего, а вот если бы лишился жизни...» Юноша вздохнул и налил себе еще чаю.

В этот момент снаружи раздался стук в дверь. Затем послышался голос работника.

«Не желаете горячей водички, уважаемый постоялец?»

Юноша торопливо поднялся, можно даже сказать, резко, поэтому голова его снова закружилась, и через силу крикнул:

«Заходи».

Дверь со скрипом отворилась, работник зашел в комнату с чайником, налил полный таз воды, после чего оглянулся на юношу и улыбнулся.

«Я уже три года здесь работаю, но еще ни разу мне не доводилось наблюдать, чтобы кто-то после двух стаканов нашего рисового вина опьянел до такой степени. Вчера вечером никому не удавалось тебя разбудить, поэтому мне пришлось занести тебя в комнату на спине и оставить на кровати. Братец, ты слишком быстро пьянеешь, нужно попрактиковаться как следует, я слышал, что один чиновник в столице так и вовсе выпивает по тысяче стаканов каждый день, и не падает».

Парень залился краской, в его глазах отразилась благодарность, он даже поднялся и отвесил работнику малый поклон, с улыбкой отвечая: «Благодарю за заботу, братец. Не знаю, по чему, но после первого стакана я чувствовал себя еще очень даже хорошо, а вот когда опрокинул второй, так и свалился в опьянении».

Работник скривил губы в улыбке, взял чайник и перед тем, как уйти, явно подшучивая над юношей, сказал: «Ты ведь направляешься в город на экзамен для ученой степени, а вчера вечером, когда я нес тебя, все болтал мне о каком-то сне, мол, во сне ты сделался бессмертным, ха-ха, рассказ твой был довольно интересен, если будет время, расскажи мне

еще что-нибудь забавное».

Сказав это, работник, сдерживая смех, вышел из комнаты, а юноша, красный как рак, с горькой улыбкой покачал головой. Затем подошел к тазу с горячей водой и умыл лицо, почти избавившись от вчерашнего опьянения и утомления.

Когда он толкнул ставни окна, в комнату вместе с прекрасным солнечным светом ворвался порыв холодного ветра, приятно обдувающий лицо. Юноша сделал глубокий протяжный вдох.

Юноша подошел к окну, выглянул наружу и сам себе под нос проговорил: «А ведь вчера вечером я в самом деле спяну видел сон, и сон тот был очень странным, даже после пробуждения я отчетливо его помню...»

«Сон был таким реалистичным, что даже трудно было отличить... Оказывается, с тех пор, как четвертый дядя три года назад вернулся, я вступил в секту Хэн Юэ... Хэ-хэ, вот так поворот. Но, кажется, я не досмотрел сон до конца, помню только, что вступил в секту, а потом все закончилось. Секта Хэн Юэ... откуда в этом мире взялась подобная секта, и откуда взялись бессмертные, я всю жизнь посвящаю учебе и чтению книг, никогда не верил ни в какие магические силы, ведь все это лишь слухи, чтобы дурачить простых людей».

Юноша покачал головой, развернулся и посмотрел на стакан чая на столе. Как вдруг, поддавшись наитию молодого сердца, вскинул правую руку, сложил пальцы в странной фигуре по памяти и указал на стакан.

«Техника притяжения!» Юноша со смехом направил руку в сторону стакана.

Стакан не шелохнулся, так и оставшись спокойно стоять на месте, а юноша рассмеялся, сказав самому себе: «Все эти техники и божественные способности были довольно интересными».

Позабавившись еще немного, юноша собрался с мыслями, привел в порядок свой багаж, серебро, запасы съестного, одежду, а также письменные принадлежности, затем хорошенько прибрался в комнате, дождался, пока выветрится запах вина, сменил одежду на чистую, и только после всего этого взвалил на спину свой походный ящик и вышел из комнаты.

Он с детства был умен, а по характеру честен и прост, выросший в горной деревушке, он впервые выбрался из дому. Родители неустанными наставлениями проводили его из деревни, и теперь он расправлял крылья и летел сам по себе, словно подросток-птенец.

Поскольку комната стала грязной и пропахла вином из-за него, он решил сам прибраться в ней, ему неловко было оставлять этот труд на работника, который отнес его в комнату.

Спустившись в главный зал, он простенько перекусил, рассчитался с хозяином за проживание, снова с улыбкой поклонился работнику, и направился прочь, навстречу солнцу.

Солнце озарило его с ног до головы, отчего юноша на вид сделался сам наполненным солнечным светом, что заставляло других людей почувствовать себя комфортно рядом с ним, и каждый невольно исполнился к нему добрым расположением.

Особенно его чистые одежды выглядели так идеально, что от него исходила заполняющая все вокруг бодрость духа. Он шел по краю казенного тракта, глядел на дорогу впереди, в самый ее конец, где нельзя было разглядеть ничего, но юноша уже как будто смутно представлял, как там, вдали, возвышаются стены столицы страны Чжао.

«Ван Линь, у тебя непременно все получится! После победы на экзаменах я перевезу сюда отца и мать из деревни, чтобы они проживали старость в свое удовольствие, ни в чем не нуждаясь». Юноша сделал глубокий вдох и быстрее пошел вперед.

Лицо обдувал весенний ветер, в котором чувствовался неизвестно откуда взявшийся запах ароматных трав, он разметал полы одежды Ван Линя, так что его ученическая форма затанцевала в порывах ветра, издавая легкие хлопки. С каждым его шагом тот постоянный двор становился все дальше и дальше.

Только чьи-то голоса на ветру рассеивали далеко, улета в неизвестность, кружась по ветру и медленно исчезая, пока не останется лишь нить воспоминания.

В юном возрасте не ощущается усталость, и Ван Линь шел по казенному тракту с живым блеском в глазах, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на горные леса вокруг, насладиться пейзажем.

Время летело стрелой, и по мере того, как Ван Линь, не торопясь и время от времени останавливаясь, шел вперед, лес впереди больше не казался таким густым, сквозь деревья медленно начала проглядывать голубая речка.

Вода в реке шумела вместе с ветром. В стране Чжао несколько казенных трактов шли вдоль рек, по одному такому как раз и пошел Ван Линь.

И теперь слева от него высились горные вершины, а неподалеку справа текла звонкой песней проворная река, по которой скользило несколько лодок.

Постепенно небо вдали стало темнеть, и в этой темноте собрались черные тучи. Издалека донесся раскат грома, засверкали молнии, издалека похожие на серебристых змей.

Погода днем была все еще прекрасной, но под вечер совершенно испортилась, чистое небо сменилось густыми тучами до неузнаваемости. Вдали виднелись синие горы, под облаками сделавшиеся темными, однако, несмотря на сгустившиеся краски, черные тучи все же не могли заслонить горы.

Издали казалось, что горные вершины сцепились с тучами, пронзая их насквозь, а тучи собирались поглотить горы под собой, словно бой тигра с драконом, картина была удивительная.

В этот момент раздался гром и пошел шумный дождь. Ван Линь торопливо подбежал к дереву и достал из бамбукового ящика за спиной большой промасленный зонт, который был сделан руками его отца. Зонт можно было сложить и носить с собой, а если открыть его полностью, то он мог закрыть не только бамбуковый ящик, но и всего Ван Линя целиком.

С зонтом в правой руке Ван Линь поглядел на черные горы, которые тучи все еще не могли закрыть собой, поглядел на падающую с небес стену дождя. Капли падали на землю, на листья дерева, на поверхность реки неподалеку, оставляя широкие круги и разлетаясь водными жемчужинами, брызги которых летели на плывущие лодки.

Ван Линь поглядел на все это, рассмеялся и продекламировал: «В древних стихах говорится... Черные тучи горы не застыт, белые дожди лодки окропят... оказывается, вот что это значит».

«Эй, ты, горе-ученый, не уж то головой пострадал? Увидел, как наши лодки заливают вода, и хохочет, над нами потешается!» С одной из лодок, что плыла ближе всех к берегу, раздался звонкий голос. На носу стояла прекрасная девушка с зонтом в руках, лицо ее было сердитым, грозно взирая на Ван Линя, она показывала на него пальцем.

Ван Линь застыл как вкопанный, смех его тотчас прервался, и он помотал головой.

<http://tl.rulate.ru/book/22/413121>